

В. А. Малиновский

Уважаемый господин председатель!
Уважаемые дамы и господа!

В эту минуту я испытываю не меньшее волнение, чем когда мне сообщили о решении Нобелевского комитета. Ведь по случаю награждения этой премией обращали свои слова к человечеству выдающиеся люди, прославившие себя мужеством в борьбе за соединение нравственности с политикой. В том числе — мои соотечественники.

Такая награда, как Нобелевская премия мира, побуждает вновь задуматься над, казалось бы, простым и ясным вопросом: а что такое мир?

Готовясь к своему выступлению, я нашел в старой российской энциклопедии определение «мира» как «общины» — традиционной ячейки русской крестьянской жизни. И увидел в нем глубинное народное понимание мира как согласия, лада, взаимопомощи, содействия.

Такое понимание воплощено и в канонах мировых религий, трудах философов — от античности до наших дней. До меня назывались имена многих из них. Позвольте добавить еще одно. Мир «распространяет изобилие и правосудие, составляющие благоденствие народов»; мир, который «токмо отдых от войн», «не достоин сего названия»; мир предполагает «общий совет». Эти слова написаны почти 200 лет назад и принадлежат Василию Федоровичу Малиновскому — директору того самого

Царскосельского лицея, из которого вышел великий Пушкин.

Конечно, с тех пор в конкретное содержание понятия «мир» история многое добавила. В наш ядерный век в него включается условие выживания человеческого рода. Но суть, заложенная в народной мудрости и в передовой общественной мысли, та же.

Мир сейчас предполагает восхождение от простого сосуществования к сотрудничеству и сотворчеству стран и народов.

Мир — это движение к всеобщности, универсальности цивилизации. Никогда раньше истина о неделимости мира не была так справедлива, как сейчас.

Мир — это не единообразие, а единство в многообразии, сопоставлении и согласии разностей.

И в идеале мир — это отсутствие насилия, этическая ценность. И здесь мы не можем не вспомнить трагически погибшего недавно Раджива Ганди.

Я воспринимаю решение вашего Комитета как признание огромного международного значения происходящих в Советском Союзе перемен. Как доверие к нашей политике нового мышления, которое основывается на убеждении, что в конце XX столетия силе, оружию придется серьезно потесниться в качестве главного рычага мировой политики.

Присуждение мне премии я расценил и как акт солидарности с громадностью дела, которое уже потребовало от советского народа невероятных усилий, затрат, лишений, воли и выдержки. А солидарность — это та общечеловеческая ценность, которая становится все более необходимой для прогресса и самого выживания рода людского.

Но современное государство должно быть достойно солидарности, иными словами, проводить и во внутренних, и в международных делах линию на соединение интересов своего народа с интересами мирового сообщества. Задача, несмотря на всю свою очевидность, не из простых. Жизнь куда богаче и сложнее самых совершенных планов, как сделать ее лучше. Она в конце концов жестоко мстит за насильственное навязывание ей какой-то схемы, пусть даже с благими намерениями. Перестройка позволила нам понять это в отношении своего прошлого. А реальный ее опыт научил нас считаться с наиболее общими законами цивилизации.

Но это пришло позже. А в марте—апреле 1985 года мы оказались перед чрезвычайно ответственным, признаюсь, мучительным выбором. Соглашаясь тогда принять высший по существу государственный пост Генерального секретаря ЦК КПСС, я понимал: дальше так жить нельзя, и я не позволю себе оставаться на этом посту, если не буду поддержан при осуществлении кардинальных перемен. Я понимал, что придется пойти очень далеко. Но всей громадности проблем, трудностей я, конечно, себе не представлял. Да и никто, думаю, не мог тогда предвидеть, предсказать.

Те, кто был тогда у руководства страны, знали, что на самом деле с нею происходит и что мы потом назвали труднопереводимым термином «застой». Видели, что общество топчется на месте, что ему грозит необратимое отставание от технологически передовой части мира. Тотальное господство управляемой в основном из центра государственной собственности, всеохватывающая авторитарно-бюрократическая система, всеобщая идеологизация политики, монополия на общественную мысль

и саму науку, милитаризованный промышленный потенциал, отсасывавший к себе все лучшее, в том числе самые передовые интеллектуальные ресурсы, непосильное бремя военных расходов, душившее гражданские отрасли, подрывая социальные завоевания, которые мы со времен революции все-таки наработали и которые были когда-то нашей гордостью, — таково было истинное положение страны.

В результате всего этого богатейшая страна мира, обладающая колоссальными возможностями во всех отношениях, уже скользила по наклонной плоскости. Общество угасало и экономически, и интеллектуально.

Между тем на поверхностный взгляд царили вроде бы относительное благополучие, стабильность, порядок. Распропагандированное и дезинформированное общество не знало как следует, что происходит вокруг и что ждет страну в самом ближайшем будущем. Малейшие протесты подавлялись. И большинство считало их крамолой, клеветой, контрреволюцией.

В такой обстановке весной 1985 года велико было искушение оставить все как есть, заняться косметическим ремонтом. Но это значило бы продолжать обманывать себя и народ.

Это что касается внутренней стороны надвинувшегося на нас выбора. А с внешней?

Противостояние Запада и Востока, жестокое деление на «своих» и «чужих», на два враждебных лагеря, с набором соответствующих атрибутов «холодной войны». Запад и Восток были скованы логикой военного противостояния, все больше истощая себя гонкой вооружений.

Не просто было даже подумать о демонтаже этих сложившихся структур. Но понимание того,

что и во внутреннем, и в международном плане дело идет к неминуемой катастрофе, дало нам силу сделать исторический выбор, о котором с тех пор я ни разу не пожалел.

Перестройка, возвращающая народ к здравому смыслу, позволила нам открыться миру, вернула нормальную связь между внутренним развитием страны и ее внешней политикой. Но дается все это непросто. Народу, убежденному в том, что политика его правительства всегда отвечала делу мира, мы предложили во многом *другую политику*, которая действительно служила бы миру, но которая расходилась с привычными представлениями о самом этом мире, тем более — с устоявшимися стереотипами насчет того, как надо отстаивать мир. Словом, новое внешнеполитическое мышление.

Итак, мы пошли на крупные и, может быть, самые значительные в XX веке преобразования — для своей страны, для ее народов. Но — и для всего мира.

Я начинал свою книгу о перестройке и новом мышлении со слов: «Мы хотим быть понятыми». И казалось, что это уже происходит. Но сейчас мне вновь хочется повторить эти слова, повторить здесь, с этой всемирной трибуны. Потому что понять нас по-настоящему — так, чтобы поверить, оказалось непросто. Слишком грандиозны перемены. Масштабность преобразований страны и их качество таковы, что требуются основательные размышления. Мерить перестройку привычными понятиями — дело непродуктивное. А ставить условие: мол, пойдем и поверим, когда вы, Советский Союз, станете полностью похожими «на нас», на Запад, бессмысленно и опасно.

Обрисовать в точности, что получится в итоге перестройки, никто не может. Но ожидать, что это будет копия с чего-то, значило бы заранее себя обманывать.

Использование опыта других — да, мы это делаем и будем делать. Но это не значит стать точно такими же, как другие. Наше государство сохранит свое лицо в международном сообществе. У многоязычной страны, уникальной по межнациональному взаимопроникновению, по культурному разнообразию, по трагичности своего прошлого, по величию исторических порывов и подвигов ее народов, — у такой страны свой путь в цивилизацию XXI века, свое место в ней. Перестройка мыслится только в этом контексте, иначе она не состоится, будет отвергнута. Да и невозможно «выпрыгнуть» из собственной тысячелетней истории, которую, кстати говоря, нам самим еще предстоит основательно осмыслить, чтобы взять в будущее только правду о ней.

Мы хотим быть органической частью современной цивилизации, жить в согласии с общечеловеческими ценностями, по нормам международного права, соблюдать «правила игры» в экономических связях с внешним миром, нести бремя ответственности со всеми народами за судьбу нашего общего дома.

Переходный период к новому качеству во всех сферах жизни общества сопровождается болезненными явлениями. Начиная перестройку, мы не смогли все должным образом оценить и предвидеть. Общество оказалось слишком тяжелым на подъем, не готовым к новым переменам, задевающим жизненные интересы, когда пришлось всерьез прощаться со всем тем, к чему привыкли на протя-

жении долгих лет. Неосторожно породив вначале огромные ожидания, мы не учли, что за ними не может столь же быстро последовать осознание, что всем надо жить и работать иначе, перестать привычно уповать на то, что новая жизнь будет дана сверху.

Сейчас перестройка вступила в самую драматическую полосу. С трансформацией философии перестройки в реальную политику, начавшую буквально взрывать старые формы жизни, стали нарастать и сложности. Многие испугались, захотели вернуться в прошлое. И не только те, кто был у рычагов власти, в правительственных кругах, в армии, в ведомствах и кому пришлось потесниться. Но и множество людей, чьи интересы, уклад жизни тоже оказались под прессом испытаний. Ибо за десятилетия они разучились быть инициативными, независимыми, предприимчивыми, самостоятельными.

Отсюда недовольство, взрывы протеста, непомерные, хотя понятные требования, которые, однако, если их в одночасье удовлетворить, приведут к полному хаосу. Отсюда и накал политических страстей, не конструктивная оппозиция, нормальная в демократической системе, а сплошь и рядом деструктивная, иррациональная. Я уж не говорю об экстремистских силах, особенно жестоких и бесчеловечных в зонах межнациональных столкновений.

За шесть лет мы отбросили или разрушили многое из того, что стояло на пути обновления и преобразования общества. Но когда общество получило свободу, оно, длительное время жившее как в «зазеркалье», не узнало себя. Выплеснулись наружу противоречия и пороки, даже пролилась кровь. Хотя от большой крови страну удалось удержать. Логика реформ столкнулась и с логикой их оттор-

жения, и с логикой нетерпения, которая оборачивается нетерпимостью.

И вот в этой ситуации, которая несет в себе и огромный шанс, и огромный риск, на самом пике перестроечного кризиса задача состоит в том, чтобы, сохраняя главный курс, одновременно так справляться с текущими, повседневными проблемами, — а они буквально рвут этот курс на части, — чтобы не допустить социального и политического взрыва.

О своей позиции. Что касается принципиального выбора, то этот вопрос для меня давно и бесповоротно решен. Ничто и никогда, никакое давление ни справа, ни слева меня не собьет с позиции перестройки и нового мышления. Менять своих взглядов и убеждений не собираюсь. Выбор сделан окончательно.

Возникающие в ходе преобразований проблемы можно решать — таково мое кредо — только конституционным путем. Поэтому я и делаю все, чтобы удержать процесс в рамках демократии и реформ.

Это относится и к такой острой для нас проблеме, как самоопределение наций. Мы ищем механизм ее решения в рамках конституционного процесса, признаем законный выбор народов, при том понимании, что, если действительно народ, через честный референдум, решит уйти из Советского Союза, это потребует определенного, согласованного переходного периода.

Непросто выдержать мирный путь в стране, где люди из поколения в поколение приучались к тому, что если ты «против» или не согласен, а у меня власть или другая сила, то тебя надо выбросить за

борт политики, а то и упрятать в тюрьму. В стране на протяжении веков все решалось в конце концов насилием. И это наложило трудно смываемый отпечаток на всю «политическую культуру», если уместно в этом случае употребить такое понятие.

Демократия наша рождается в муках. Процесс создания политической культуры, которая предполагает дискуссии, плюрализм, новый правовой порядок, твердую власть, необходимую, чтобы демократия работала, власть, опирающуюся на закон, одинаковый для всех, набирает силу. Решительность в перестройке, о чем сейчас немало дискуссий, должна измеряться приверженностью переменам, курсу на демократическое развитие. Решительность — это не возврат к репрессиям, к нажиму, к подавлению прав и свобод. Я не соглашусь, чтобы общество снова разделилось на «красных» и «белых», на тех, кто самозванно говорит и действует от «имени народа», и «врагов народа». Решительность сейчас — в том, чтобы в условиях плюрализма в политике и в общественной жизни, в рамках законности обеспечить условия для продолжения преобразований, предотвратить развал государства и экономический коллапс, не допустить, чтобы элементы хаоса приняли катастрофический характер.

Это заставляет делать определенные тактические шаги, искать варианты решения ближайших и долгосрочных задач. Такого рода поиски и меры политического и экономического характера, соглашения, основанные на разумном компромиссе, у всех на виду. Я убежден, что среди них войдет в историю как великий шанс Заявление «1+9». Не все в наших решениях сразу правильно понимается. По большей части они непопулярны, вызывают волны

критики. Но сколько жизнь принесет еще сюрпризов и в свою очередь мы — ей! И если после каждого шага советского руководства, по поводу того или иного указа Президента, делать скоропалительные выводы — пошел ли он влево или вправо, вперед или назад, — толку не будет и понимания не получится.

Ответы на все наши вопросы мы будем искать только впереди, только в продолжении, даже радикализации реформ, только в неуклонной демократизации общества. Но будем действовать осмотрительно, рассчитывать каждый шаг.

В обществе уже есть согласие о переходе к смешанной экономике, к рынку. Разногласия сохраняются в том, как это делать и в какие сроки. Есть сторонники побыстрее проскочить переходный период, невзирая ни на что. Элемент авантюризма тут присутствует. Но нельзя закрывать глаза и на то, что такие взгляды пользуются поддержкой. Народ устал и подвержен воздействию популизма. Поэтому опасно и медлить, держать людей в состоянии неопределенности. Они сейчас живут нелегко, испытывают большую нужду.

В завершающий этап вступила работа над новым Союзным договором, принятие которого открывает новый этап в жизни нашего многонационального государства.

После разгула сепаратизма и эйфории суверенизации чуть ли не каждого поселка оживает центристское движение — на основе более здравого восприятия сложившихся реальностей и опасностей. И это сейчас самое существенное. Растет воля к согласию, понимание того, что есть государство, есть страна, есть общая жизнь. Это надо уберечь в первую очередь. А потом уже разбираться, кто в ка-

кую партию, в какой клуб будет входить, какие молитвы и какому богу будет возносить.

Опыт бурного, противоречивого перестроечного процесса, особенно в последние два года, остро поставил перед нами проблему критериев эффективности государственного руководства. В новых наших условиях — многопартийности, мировоззренческой свободы, национальной самобытности и суверенности республик — интересы общества должны быть безоговорочно поставлены выше партийных, групповых, местных, ведомственных, любых других частных интересов. Хотя они имеют право и на существование, и на представительство в политическом процессе, в общественной жизни и, конечно, должны учитываться в большой, государственной политике.

Дамы и господа!

От правильной оценки того, что происходит в Советском Союзе на данном этапе, очень многое зависит и в *мировой политике*. Сейчас и на будущее.

Приблизился, может быть, самый решающий момент, когда мировое сообщество, прежде всего государства, обладающие наибольшими возможностями влиять на ход событий, должны определиться по отношению к Советскому Союзу, причем — в реальных действиях.

Чем больше я думаю над происходящим сейчас во всем мире, тем больше убеждаюсь, что перестройка ему нужна не меньше, чем самому Советскому Союзу. К счастью, нынешнее поколение политиков в своем большинстве все глубже осознает эту взаимосвязь, а также и то, что теперь, когда перестройка вступила в критическую фазу своего раз-

вития, Советский Союз вправе рассчитывать на масштабное содействие ее успеху.

Мы сами у себя в последнее время основательно переосмысливаем содержание и значительность своего экономического сотрудничества с другими странами, прежде всего с крупными странами Запада. Понимаем, конечно, что должны осуществить меры, которые позволят по-настоящему открыться мировой экономике, включиться в нее органично. Но и приходим к выводу о необходимости своего рода *синхронизации действий* в этом плане и с «семеркой», и с Европейскими сообществами, иначе говоря, — думаем о *принципиально новой фазе* своего международного сотрудничества.

В эти месяцы многое в нашей стране решается и будет решено для создания предпосылок выхода из системного кризиса к постепенному подъему и нормализации жизни.

Все многочисленные конкретные задачи, с этим связанные, обобщенно можно собрать *на трех главных направлениях*:

- стабилизация демократического процесса на основе широкого общественного согласия и нового государственного устройства нашего Союза как подлинной, свободной, добровольной федерации;

- интенсификация экономической реформы в сторону создания смешанной рыночной экономики на основе новой системы отношений собственности;

- решительные шаги к открытию страны в мировую экономику через конвертируемость рубля, признание цивилизованных правил игры, принятых на мировом рынке, через вступление в члены Мирового банка и Международного валютного фонда.

Все три эти направления тесно взаимосвязаны.

Поэтому нужен разговор на «семерке» и в ЕС. Нужна какая-то совместная программа действий на ряд лет.

Если договоренность о новой фазе сотрудничества не состоится, нам придется искать какой-то другой выбор: время диктует. Но переход к этой новой фазе требует, чтобы и те, кто участвует, тем более определяет мировую политику, продолжали меняться — в своем философском осмыслении меняющихся реалий современного мира и его императивов. Иначе нет смысла и составлять совместную программу практических действий.

Что касается руководящих кругов Советского Союза — в центре и республиках, — а также значительной части нашей общественности, есть понимание такой необходимости. Хотя, если брать все общество, не всюду так просто воспринимаются подобные идеи. Есть ура-патриоты, претендующие и в патриотизме на монополию. Они считают, что он состоит в том, чтобы «не повязываться» с внешним миром. А рядом те, кто хотел бы вообще все повернуть назад. В таком «патриотизме» — забота лишь о своих интересах, не больше.

Очевидно, что роль СССР, его участие в строительстве нового мира будет еще более конструктивной, еще более значительной по мере продвижения по пути перестройки. То, что мы сделали, руководствуясь новым мышлением, позволило повернуть международное сотрудничество в новое мирное русло. Огромный путь пройден за эти годы в общеполитическом сотрудничестве СССР с Западом. Оно прошло трудные испытания — через крупные преобразования в Восточной Европе,

проверено на оселке решения германского вопроса, выдержало труднейшее напряжение в связи с кризисом в Персидском заливе. Безусловно, это необходимое всем сотрудничество будет более эффективным, потребность в нем будет ощущаться больше, если теснее будут связаны наши экономики, если они начнут работать в относительно согласованном ритме.

Мне представляется очевидным: будет успех перестройки в СССР — будет и реальная возможность строить новый мировой порядок. Сорвется перестройка — исчезнет и перспектива выхода к мирному периоду в истории, по крайней мере — в обозримом будущем.

Считаю, что движение, которое началось в этом направлении, имеет неплохие шансы. Человечество ведь уже много получило за последние годы. И это создало определенную позитивную инерцию.

Прекращена «холодная война». Фактически снята угроза мировой ядерной войны. Исчез «железный занавес». Объединилась Германия — событие поворотного значения в истории Европы. На континенте нет ни одной страны, которая не считала бы себя полностью суверенной и независимой.

СССР и США, две ядерные сверхдержавы, прошли путь от конфронтации к взаимодействию и даже — в ряде важных случаев — партнерству. Это оказало решающее воздействие на весь международный климат. И это надо беречь, наполнять все новым содержанием, охранять климат советско-американского доверия. Это общее достояние международного сообщества. Переоценка направления и потенциала советско-американских отношений имела бы тяжелые последствия для всего мирового процесса.

Идеи Хельсинкского Заключительного акта начали приобретать реальное значение, трансформироваться в политику, получили более конкретное и актуальное выражение в Парижской хартии для новой Европы. Вырисовываются уже формы институализации общеевропейской безопасности.

Началось реальное разоружение. Первая его фаза заканчивается, и после скорого, надеюсь, подписания Договора по СНВ на очередь сразу встанет практическая проработка уже имеющихся идей на дальнейшее. Но нужна, по-видимому, общая концепция для новой фазы, в которой были бы учтены все переговорные потоки по основным компонентам разоруженческой проблемы, новые идеи, отражающие изменения в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, в Азии, и которая аккумулировала бы крупные инициативы, выдвинутые недавно президентом Бушем и президентом Миттераном. Мы над этим думаем.

Сокращаются вооруженные силы, военные бюджеты. Иностранные войска выводятся с чужих территорий, снижается их численность, меняется состав — в оборонительном направлении. Сделала первые шаги конверсия военного производства, и происходит совсем уже, казалось бы, невероятное — налаживается сотрудничество в этой области между недавними противниками в «холодной войне». Представители их армий ездят друг к другу, показывают военные объекты, совсем недавно сверхсекретные, совместно размышляют о путях демилитаризации.

Неузнаваемо переменилась информационная среда во всей Европе, да и в большей части мира, а с нею — не только масштабы и интенсивность, но и

сама психологическая атмосфера общения между людьми разных стран.

Деидеологизация межгосударственных отношений, которую мы провозгласили в качестве одного из принципов нового мышления, сломала многие предрассудки, предубеждения, подозрения, очистила и оздоровила международную жизнь. Но должен заметить — с нашей стороны этот процесс идет интенсивнее и откровеннее, чем на Западе.

Позволю себе утверждать, что европейский процесс уже приобрел черты необратимости, во всяком случае — исключены конфликты такого масштаба и характера, которые свойственны были Европе на протяжении веков, в XX столетии — особенно.

И если он наберет нужный темп, то в обозримом будущем в распоряжении каждого народа, каждой страны — при соответствующем их собственном вкладе — будет потенциал небывало мощного сообщества, опоясывающего по существу всю верхнюю часть Земного шара. В таком контексте, по мере создания новой Европы, в которой бывшие «завесы» и «стены» навечно останутся в прошлом и границы между государствами все больше будут терять свое разделительное назначение, совершенно иначе будет реализовываться и самоопределение суверенных наций.

Но европейское пространство от Атлантики до Урала мыслится нами не как замкнутая система. Поскольку оно включает в себя Советский Союз, раскинувшийся до берегов Тихого океана, и заатлантические США и Канаду, неразрывно связанные со Старым Светом, оно и географически выходит за рамки своего названия.

Речь совсем не идет о том, чтобы консолидировать часть цивилизации, так сказать, на европей-

ской платформе в противовес остальному миру. А такие подозрения существуют. Нет. Речь идет о том, чтобы разработать и продвигать то, что уже получило импульс от интеграции в Европе и оформлено политически в Парижской хартии для всей Европы. И делать это в контексте общего движения к новому, мирному периоду всеобщей истории, к новой взаимосвязи и целостности человечества. Как удачно недавно выразился, будучи в Москве, мой друг Джулио Андреотти: «Одного сближения Востока и Запада недостаточно для движения всего мира к миру. Но согласие между ними — большой вклад в общее дело». В этом «общем деле» огромную роль, с трудно прогнозируемой сейчас перспективой, призваны играть и Азия, и Африка, и Латинская Америка, и Ближний и Средний Восток.

Строиться новая целостность мира, по нашим понятиям, может только на принципах свободы выбора и баланса интересов. У каждого государства, а теперь и у ряда сложившихся или формирующихся региональных межгосударственных группировок, есть свои интересы. И все они равноправны и заслуживают уважения.

Мы расцениваем как опасный архаизм, когда у кого-то вызывают подозрения, например, улучшение советско-китайских или советско-германских, германо-французских, советско-американских или американо-индийских отношений и т.д. В наш век хорошие отношения — это общий позитив. Ухудшение отношений где-либо — общий негатив.

Движение к цивилизации XXI века не будет, конечно, ни простым, ни легким. От тяжелого наследства прошлого, от угроз, созданных в послевоенные годы, нельзя избавиться в один день. Мы переживаем момент поворота в международных делах и

находимся лишь в начале нового, надеюсь, в основном мирного, длительного периода в истории цивилизации.

В условиях ослабления, а то и исчезновения конфронтации на линии Восток-Запад всплывают наружу казавшиеся второстепенными перед лицом ядерной угрозы старые противоречия, оттаивают и скованные льдами «холодной войны» бывшие конфликты и претензии, быстро накапливаются совсем новые проблемы.

На пути к прочному миру много уже видимых препятствий и опасностей:

- усиление национализма, сепаратизма, дезинтеграционных процессов в ряде стран и регионов;

- нарастающий разрыв в уровне и качестве социально-экономического развития «богатых» и «бедных» стран; сами грозные последствия этой бедности сотен миллионов людей в условиях, когда информационная прозрачность позволяет видеть, как живут в развитых странах. Отсюда и небывалый накал и жестокость, просто фанатизм массовых проявлений протеста. Здесь и почва для распространения терроризма, для возникновения и сохранения диктаторских режимов с непредсказуемым их поведением в межгосударственных отношениях;

- угрожающе быстрое накопление издержек прежних форм прогресса: опасность экологической катастрофы, истощение источников энергии, сырья, неуправляемая перенаселенность, общемировые эпидемии, наркомания и т.д.;

- расхождение между в принципе миролюбивой политикой и эгоистической экономикой, тяготеющей к своего рода «технологической гегемонии». Если расхождение этих векторов не преодо-

леть, дело пойдет к распаду цивилизации на несовместимые сектора;

— дальнейшее совершенствование современного оружия, пусть под предлогом укрепления безопасности. Это чревато не только новым витком гонки вооружений, губительной перевооруженностью многих государств, но и окончательным разрывом между процессом разоружения и развития, более того — подрывом основ и критериев нарождающейся новой мировой политики.

Как мировому сообществу справиться со всем этим? Все это задачи неимоверно сложные. Откладывать их нельзя. Завтра может быть поздно.

Убежден: для их решения нет иного пути, как отыскать и освоить неординарно новые формы взаимодействия. Мы попросту обречены на такое взаимодействие. Иначе не укрепить позитивные тенденции, которые возникли, набирают энергию и жертвовать которыми мы просто не вправе.

Но для этого все члены мирового сообщества должны решительно избавиться от стереотипов и побудительных мотивов, вскормленных «холодной войной», от привычек выискивать друг у друга слабые места и использовать их в собственных интересах. Уважать особенности и различия, которые будут всегда, даже тогда, когда права человека и свобода народов будут соблюдаться повсеместно. Не перестаю повторять: преодоление конфронтации позволяет превратить различия в источник здорового соревнования, в важный фактор прогресса. Это — стимул к взаимному изучению друг друга, к обмену, предпосылка роста взаимного доверия.

А знание и доверие — фундамент нового мирового порядка. Отсюда же необходимо, на мой взгляд, учиться. И, научиться прогнозировать про-

цессы в различных районах земного шара, объединив в рамках ООН усилия ученых, философов, гуманитариев. Политика — даже самая выверенная и точная — дело рук человека. И надо максимально страховаться от того, чтобы принимаемые членами мирового сообщества решения затрагивали безопасность, суверенитет и жизненные интересы других его членов, наносили ущерб природной среде и нравственной атмосфере мира.

Я оптимист и считаю, что сообща удастся сделать сейчас правильный всемирно-исторический выбор, не упустить великий шанс на рубеже веков и тысячелетий, пройти нынешний очень трудный переход к мирному мировому порядку. Не баланс сил, а баланс интересов, не поиски выгод за счет других, а поиски компромиссов и согласия, не претензии на лидерство, а уважение равенства — вот вполне доступные для разумных, умудренных опытом XX столетия людей элементы, которые могут лечь в основание всемирного движения вперед.

Уходящая в будущее перспектива действительно мирной мировой политики — в создании общими усилиями единого международного демократического пространства, в котором для государства приоритетом будут права человека, жизненные блага для собственных граждан и содействие утверждению таких же прав и такого блага повсеместно. Это — императив растущей целостности современного мира, взаимозависимости его частей.

Меня уже не раз подозревали в утопизме, особенно когда пять лет назад я предложил ликвидировать ядерное оружие к 2000 году и повсеместно создавать систему международной безопасности. Может быть, к названному тогда сроку этого и не про-

изойдет. Но посмотрите. Прошло всего пять лет. А разве мы реально и заметно не двинулись именно в этом направлении? А разве не сумели преодолеть порог недоверия, хотя совсем оно и не исчезло? Разве не изменилось существенно политическое мышление в мире? Разве оружие массового уничтожения уже не воспринимается большей частью мирового сообщества как неприемлемое для достижения политических целей?

Дамы и господа! Через две недели исполнится ровно полвека со дня начала фашистского нашествия на мою страну. Еще через полгода — тоже полувек годовщина Пирл-Харбора, после чего война превратилась в общемировую трагедию. Память о ней горька до сих пор. Но она же зовет нас дорожить выпавшим на долю нынешних поколений шансом.

И еще раз — в заключение. В присуждении мне Нобелевской премии я увидел понимание моих намерений, моих устремлений, целей начатого глубокого преобразования страны, идей нового мышления, признание вами моей приверженности мирным средствам реализации задач перестройки.

За это я признателен членам Комитета и хочу их заверить: если я правильно оцениваю их мотивы — они не ошиблись.